

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ЭЛИТНЫЙ

УТОПЛЕННИК

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Элитный утопленник / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-159473-2

В элитном подмосковном поселке совершено убийство. Погибший, местный пенсионер Михаил Балидский, активно боролся с незаконным захватом береговой зоны. Полковник МВД Гуров выдвигает версию: убийца — хозяин участка, граничащего с рекой. Сыщику дают понять, что дело надо закрыть, поскольку подозреваемый — важная «шишка». Но Гурова не так-то просто сломать. Он продолжает расследование и неожиданно понимает, что ошибался, подозревая хозяина участка. Настоящий убийца, спокойно разгуливающий среди дачников, намного хитрее и опаснее...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-159473-2

Глава 1

Дирижер взмахнул рукой, и просторный двор типичной московской сталинки, находящейся в Филях, наполнили ни с чем не сравнимые звуки духового оркестра.

Саксофон, труба, флейты, гобои, рожок, барабаны и фагот. Музыкальных познаний Гурова вполне хватало, чтобы определить, где какой инструмент. Запинка вышла только при идентификации котлообразных чаш, обтянутых кожей, то есть литавр. Лев Иванович, как и многие другие люди, ошибочно считал, что литавры непременно звенят. Значит, они должны напоминать нечто подобное тарелкам. Узнать их в ударном инструменте сыщику никак не удавалось.

— Всем бы такими быть в девяносто шесть, как Василий Леонтьевич, — тихо прошептал Станислав Крячко, лучший друг и напарник Гурова. — Смотри, как глаза-то у старика блестят.

Фронтовику Василию Туницкому в этот день родственники специально подрегулировали слуховой аппарат, чтобы он сполна мог насладиться торжеством в честь себя самого. Идея провести парад в честь одного ветерана Великой Отечественной войны прямо во дворе его дома родилась у командования Московского университета МВД России. Сам Туницкий в те грозные годы был музыкантом военного оркестра, а потом в течение сорока пяти лет работал в школе милиции. Василий Леонтьевич в окружении родственников сидел за столом, специально вынесенным прямо во двор. Ветеран Великой войны, участник разгрома Квантунской армии слушал песни в исполнении своих коллег, приходил в полный восторг, иногда даже вытирал слезинки кулаком. Он полагал, что этого никто не замечает, а может, не считал нужным скрывать эмоции.

«От героев былых времен
Не осталось порой имен.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землей и травой.
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых,
Этот вечный огонь,
Нам завещанный одним,
Мы в груди храним...»

Духовой оркестр находился на особом обеспечении в этом учебном заведении. Попасть туда было очень непросто. Служба там считалась престижной. Музыкантам нужно было действительно обладать если не талантом, то, по крайней мере, отличной техникой исполнения. Вокалистам полагалось петь так, чтобы душа у руководства сначала развернулась, потом свернулась.

Справедливости ради надо отметить, что эти требования командования оказались выполнены. Песни действительно звучали очень хорошо, проникновенно.

Когда концерт закончился, со своего места поднялся майор Туницкий. На щедрой согбенной фигуре висел пиджак с многочисленными наградами, колени его подкашивались. Но ветеран усилием воли расправил плечи и как будто вмиг стал выше ростом и увереннее статью. Родные по обе стороны подхватили его за руки и помогли подойти к оркестру.

Здесь он встал, окинул всех внимательным взором, немного помолчал и произнес:

— Спасибо вам, ребята. Когда хоронил в братских могилах, в одиночных окопах и траншеях своих друзей, я им обещал, что если живой останусь, то буду все время беречь

солдатскую честь. Благодаря вам сегодня мое сердце заходится от счастья. Ради такого последующего поколения и жить стоило, и умирать тоже.

Все в едином порыве громко заплодировали.

Подмосковный поселок Козловка раскинулся на берегу Клязьмы, примерно в двухстах пятидесяти километрах от МКАДа. Здешние места были весьма живописными. По обе стороны идеально ровной дороги стояли аккуратные особняки с красивыми крышами из металлочерепицы. В строительство своих домовладений жители Козловки вкладывали души, а они у них были такими же широченными, как Клязьма в весеннем разливе, после заснеженной зимы.

В основном здесь постоянно проживали люди зрелого и пожилого возраста, которые на заре двухтысячных годов дорабатывали последние годы, оставшиеся до пенсии. Вот они-то и разглядели потенциал ничем не примечательного подмосковного поселка с его типичным деревенским укладом. Москвичи постепенно перебирались сюда, покупали дома один за другим. Сперва перестали ходить по улицам коровы, позже

исчезли и гуси. Исконные местные жители стали подозревать, что их деревня обречена на вымирание. Но они ошибались.

Люди, принявшиеся повально приобретать в Козловке домики себе на старость, облагораживали их или вовсе сносили и заново отстраивали, заодно обиходили и прилегающую территорию. Они обладали хорошим достатком, но отнюдь не являлись богачами. Впрочем, и на типично деревенских жителей новые люди не были похожи, пусть даже и прожили в поселке несколько лет.

Селились здесь люди уважаемых профессий. В своем трудовом прошлом они занимали посты начальников ведомств и предприятий среднего звена, некоторые были остепененными преподавателями вузов, жила здесь и супружеская пара врачей. Постепенно все они переселялись из города, погружались в размеренный, но отнюдь не ленивый быт, сажали садовые деревья и цветы, огородничали, рыбачили, строили, ремонтировали, делали отличное вино и по вечерам, бывало, ходили друг к другу в гости. Скотину держали редко, в основном курочек или уток, с коровами возиться никому не хотелось. У одного местного, правда, жил

конь, красавец Багет темно-рыжего цвета с роскошной выправкой и блестящей гривой. Хозяин мечтал о собственной лошади с детства, и вот, на старости лет, смог наконец-то осуществить заветное желание.

Некоторые еще работали и ездили ради этого в город, благо до него было по московским меркам совсем недалеко. Но в основном эти люди уже являлись пенсионерами, неторопливыми, неспешными, обстоятельными и энергичными. Благодаря деятельности своих новых обитателей поселок со временем стал напоминать лубочную деревеньку, расположенную где-нибудь в глубине Германии или Голландии. Как будто картинка, изображенная на стильной открытке, вдруг взяла и ожила.

Конечно же, за красивой оболочкой скрывались серьезные финансовые вложения. Пожалуй, только с дорогами тут повезло. Они исправно ремонтировались за счет областного бюджета благодаря близости аэропорта. В остальном местные жители обща, без лишних склок поддерживали инфраструктуру поселка своими средствами и силами. Люди чистили пляж, облагораживали зоны общего пользования, зимой нанимали бобкэты для уборки снега.

Они не скупались на малые архитектурные формы и функциональные элементы. Здесь можно было увидеть симпатичные лавочки с навесами в местах остановки общественного транспорта, кованые урны для мусора, фонари уличного освещения и многое другое, что обязательно для любого цивилизованного места жительства.

Жители Козловки даже устроили что-то вроде прогулочной аллеи, высадили на центральной улице саженцы австралийского каштана и замостили тропинку декоративной плиткой. В зеленой зоне вместо газона они посеяли клевер, не требующий особого ухода. Здесь люди проводили общие собрания, а на 9 Мая шагали «Бессмертным полком» с портретами родственников, участников Великой войны.

Каждый индивидуальный приусадебный участок представлял собой усладу для глаз. Хозяева умело осваивали искусство ландшафтного дизайна и не скупались на устройство бассейнов, беседок, бань, малых архитектурных форм, мангальных зон и прочих прелестей садовой жизни. Сколько здесь было цветов! Каждая ограда буквально утопала в кустовых розах и декоративном винограде. Вдоль заборов произрастали кусты шипов-

ника и акации. Туи и ели были частью изысканного интерьера вблизи домов. Все цвело, зеленело, радовало здоровым видом и сочной глянцево-лиственной листвой.

С начала лета к местным жителям начинали массово прибывать внуки из Москвы и других российских регионов. Вот уж кому здесь было настоящее раздолье! Все время с утра до обеда и вечером, когда солнце уже не так жарит, можно было проводить на реке, заботясь только о том, чтобы не обгореть с непривычки. Пацаны могли играть в индейцев или пиратов, до дрожащих ног кататься на великах. Девчонки без сил валялись на садовых качелях, упирали безмятежный взор в голубое небо и постепенно, но неминуемо проваливались в глубокий оздоровительный сон. Рыбалка с дедами ранним утром, поедание клубники и малины тоннами, шашлыки и рыба из коптилки, первая качка меда с собственной пасеки! Все это, в отличие от жизни у бабушек и дедушек в настоящей деревне, не предполагало обязательных ежедневных работ по прополке помидоров или окучиванию картошки.

Добавьте ко всему этому прекрасный стабильный интернет, многоканальное телевидение, и пасторальная картинка загородной жизни готова.

На пляже сегодня было довольно многолюдно. Жители Козловки дураками ни разу не были, решили использовать отличный солнечный денек на полную катушку. Бабушки с внуками деловито раскинули на одеялах непортящуюся снедь. На белоснежных вафельных салфетках лежали огурцы и помидорчики с собственного огорода, отварная картошка, бутерброды с сыром и колбасой и неизменные вареные яйца.

Поджарые загорелые деды сформировали отдельную конгломерацию. Они встали полукругом у берега и принялись обсуждать недавние успехи на рыбалке, при этом нет-нет да и поглядывали на своих благоверных, полностью занятых подрастающим поколением. В котомке у одного из них была заныкана заветная фляжка, в которой аппетитно плескался абрикосовый дистиллят собственного изготовления. Мужики ждали удобного момента, чтобы потихоньку опробовать его по очереди, как только жены отправятся купаться вместе с мелкими, отойдут подальше от берега. Те, как назло, не торопились, и деды нетерпеливо переминались с ноги на ногу, понимали, что благородный напиток неизбежно нагревается.

— Мишка, айда на тарзанку! — заорал Артем, живущий в поселке круглое лето.

В отличие от товарищей его никто не пестовал. Бабка Темы умерла пару лет назад, а дед не считал нужным контролировать этого девятилетнего оболтуса. В его годы он самостоятельно выгонял колхозного коня Армяка на пастбище, однажды получил от него копытом по лбу и только чудом избежал смертельного исхода. В общем, девять лет в понимании Артемкиного деда были вполне себе солидным возрастом. Поэтому внук отрывался в Козловке на полную катушку, получал все радости жизни в виде солнца, воды и воздуха без каких-либо ограничений.

Пацаны подняли головы и тут же перевели умоляющие глаза на своих бабушек. Те, конечно же, никакой тарзанки им не разрешили. Вероятность этого была равна нулю, что, впрочем, было понятно изначально.

Мальчишки старались выглядеть равнодушными. Они повалились на песок и изредка поглядывали на противоположный берег с плохо замаскированной завистью в глазах.

Темке же было не привыкать развлекаться одному. Толстая веревка тарзанки была крепко прикручена к ветке дерева, растущего на спуске к воде. Этому стройному и сильному мальчишке ничего не стоило только что переплыть с другого берега. Теперь он

намеревался подпрыгнуть повыше и как следует раскачаться. Когда своеобразный маятник наберет максимально возможную амплитуду и будет находиться прямо над водой, пацан сможет сигануть в прохладную глубокую гладь рыбкой или бомбочкой, это уж как получится.

Артемка поплевал на руки, разбежался, легко подпрыгнул и крепко ухватился за канат. Он раскачивал тарзанку собственным весом, сначала медленно и коротко, но с каждым разом все быстрее и длиннее, с приятным, щекочущим живот чувством пролетал над берегом, покрытым мягкой травой, и зеркалом реки. С берега за его авантюрным полетом следили восторженные глаза незадачливых товарищей по играм и осуждающие — их бабушек.

Ну а деды мигом оценили ситуацию, воспользовались тем, что всеобщее внимание сейчас было приковано к противоположному берегу, и приступили к осуществлению своих коварных планов. Они по очереди ненавязчиво прикладывались к заветной фляжке, предусмотрительно засунутой в пакет.

— Вот ведь стервец какой! — с чувством произнесла крепкая на словцо Антонина Пе-

тровна. — Бабка в гробу тридцать три раза перевернется, пока он вырастет! А этому хоть бы хны. — Она направила указующий перст в сторону Темкиного деда.

Все невольно перевели взгляды в том самом направлении и увидели, как предок бесстрашного покорителя тарзанки с явным удовольствием приложился к цветастому пакетику, сквозь который предательски проступили очертания предмета, напоминающего металлическую фляжку.

— Твою мать! — непедагогично выкрикнула Антонина Петровна.

Она мгновенно сопоставила факты и однозначно поняла, что прильнуть к фляжке наверняка успел и ее благоверный.

Вслед за ней вскочили и другие женщины, намеревавшиеся отобрать артефакт у распутившихся супругов.

Но в этот момент раздался громкий плеск, и на спокойной водной поверхности пошли многочисленные круги. Темка оторвался от тарзанки, нырнул и оказался в самой глубокой части реки.

Это обстоятельство спасло дедов от позорной конфискации бодрящего напитка, так как всеобщее внимание в момент оказалось прикованным к реке. В нарастающей

жаре секунды стали такими же тягучими и вязкими, как засахарившийся мед. Глаза примерно полутора десятков разновозрастных отдыхающих не отрывались от того места, куда с приличной высоты упал Темка. Деда забыли про фляжку, дети перестали играть, бабушки приподнялись и напряженно вглядывались в даль. Время в итоге будто остановилось, а мальчик так и не появлялся на поверхности реки.

— Убился этот паршивец, — прошептала Антонина Петровна и перекрестилась. — Делать-то теперь чего?

Пожилые люди заставили себя выйти из липкого оцепенения, засуетились. Бабушки, повинувшись инстинкту, схватили своих внуков кто за руку, кто в охапку. Деда как по команде рванули к воде, намереваясь плыть на глубину и нырять для спасения сорванца.

— Спасателей надо вызывать! — крикнула какая-то женщина и трясущимися руками полезла в пляжную сумку за телефоном.

В этот момент из воды показался Тема. Он кричал. У него не было сил. Очевидно было, что он только вдохнул спасительного воздуха, и его вопль просто не мог оказаться особенно громким. Но тот факт, что мальчик

пребывает в ужасе, сразу стал ясен всем людям, присутствующим здесь.

Он барахтался как собачонка, руками активно бил по воде, только бы вновь не уходить в глубину. Расширенные глаза, поседевшее лицо. Мальчонка прекрасно умел плавать и вдруг напрочь позабыл, как это делается. Все эти обстоятельства выдавали в нем крайнюю степень испуга.

Его дед, четко рассекающий реку кролем, уже был недалеко от внука. Другие мужчины немного отставали от него. В этот момент все они будто бы скинули с себя возраст, под адреналином резко помолодели, стали сильнее, быстрее, выносливее. Как только руки деда схватили мальчика, он тут же обмяк, потерял последнюю возможность себя контролировать, а через секунду и вовсе лишился сознания.

Когда мужики вытащили Тему на берег, лицо его было сизого цвета, глаза закрыты, по коже скатывались бисеринки воды. Дети опасливо держались за бабушек. Дед начал нажимать мальчику на грудь в попытке воспроизвести непрямой массаж сердца, виденный в кино.

— В «скорую» позвоните! — крикнула та же самая женщина с отчаянием в голосе. —
■ Надо врачей сюда вызвать!

В этот момент Темка открыл глаза и тихо проговорил:

— Там, в воде, мертвец.

Глава 2

Михаила Балидского вытащили со дна спасатели. Через несколько минут на берег приехали полицейские из районного отдела, вслед за ними появилась и «скорая». Стражи порядка окружили синеватое тело плотным кольцом, закрыли видимость для зевак, количество которых в последние полчаса заметно прибыло. Примерно полсотни человек собрались на берегу, неподалеку от места событий.

Медики констатировали, что смерть наступила примерно шесть-восемь часов назад. Ее предварительной причиной было названо утопление.

— Как Вере-то сказать? — сокрушалась соседка Михаила Федоровича, теперь уже покойного. — Она же с ума сойдет.

Вера Степановна еще вчера вечером поехала на автобусе в город. Дочь попросила ее посидеть с внучкой, пока они с мужем будут у друзей на свадьбе. Бывший педагог, учитель начальных классов, она всегда с удо-

вольствием откликалась на просьбы детей побыть с внуками. Это доставляло ей истинную радость. Раньше завтрашнего вечера Вера Балидская возвращаться домой не собиралась. Но жестокая действительность внесла свои коррективы в ее планы.

Чествование ветерана закончилось торжественным маршем. Туницкий вытянулся по струнке, проводил музыкантов, отдающих ему честь.

Гуров и Крячко с удовольствием пожали пожилому коллеге руку.

Лев Иванович не удержался и спросил:

— О чем вы чаще всего на войне думали, Василий Леонтьевич?

— О бабах, — ответил тот.

Друзья, не сговариваясь, крикнули, и тут у Гурова зазвонил телефон. Он извинился, отошел в сторонку.

— Слушаю. Да. Хорошо. Будем. — Лев Иванович повернулся к Крячко и произнес: — Нам пора. Генерал вызывает.

Отдых заканчивался, пора было приступать к работе. Просто так Орлов не стал бы их дергать. Дело явно было срочное. Значит, придется ехать в парадной форме, переодеться уже некогда.